

6. Лист М. Драгоманова до С. Смаль-Стоцького. Женева, 5 січня 1888 р. // ЦДАЛ України, ф. 663 (М. Павлика), оп. 2, од. зб. 63, с. 19–20 зв. (автограф), с. 21–33 (копія).
7. Маковей О. Передмова / Осип Маковей // Федькович О. Ю. Перше повн. і крит. вид. – Т. 4. Матеріали до життєписи Осипа Юрія Гординського-Федьковича / 3 першодр. і автогр. збір., упоряд. і пояснив О. Маковей. – Львів : З друк. НТШ, 1910. – XV, 653 с.
8. Павлик М. Передмова / Михайло Павлик // Переписка Михайла Драгоманіва з Мелітоном Бучинським. 1871–1877. Зладив М. Павлик. – Львів : Накл. Наук. Т-ва ім. Шевченка. – С. VII–XIII.
9. Погребенник В. Постать «буковинського Кобзаря» в літературознавчих студіях Михайла Драгоманова / Володимир Погребенник // Літературна Україна. – 2006. – 6 лип.
10. Франко І. Лист до М. П. Драгоманова. Львів, 7 грудня 1890 р. / Іван Франко // Франко І. Збір. творів. У 50 т. Т. 49. Листи (1886–1894). – К. : Наук. думка, 1986. – С. 263–267.

Ковалець Лидія. В пошуках Юрія Федьковича: малоизвестные письма Михайла Драгоманова к Степану Смаль-Стоцькому. Основу статьи составляет первопубликация и комментирование двух эпистолярных обращений М. Драгоманова к С. Смаль-Стоцькому, которые хранятся в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Львове. Воспоминания о Ю. Федьковиче соседствуют со спектром актуальных прежде всего для Галиции и Буковины общественно-политических, морально-духовных, собственно научных, филологических проблем, которые волновали М. Драгоманова и обсуждались в свойственной ему полемической манере. Огромная преисполненность ими, восприятие их как неотложных, старание собственным опытом помочь делу в значительной мере объясняют, почему обещанное С. Смаль-Стоцькому написание специальных мемуаров об одном из наиболее выдающихся украинских поэтов откладывалось М. Драгомановым на будущее. В то же время письма, вмещаая интересные мемуарные сведения на тему Ю. Федьковича, представляют образ самого мемуариста, его мысли и идеалы.

Ключевые слова: М. Драгоманов, Ю. Федькович, С. Смаль-Стоцкий, письмо, автограф, мемуары.

Kovalets Lidija. Looking for Fed'koych: Little Known Letters from Myhajlo Drahomanov to Stepan Smal'-Stoc'kyj. The article's purpose is the first publication and commenting of two epistolary appeals from M. Drahomanov to S. Smal'-Stoc'kyj, primary sources of which are located in Central State Historical Archives in L'viv. The mentions about J. Fed'kovych in these letters are interlaced with the spectrum of actual primarily for Galicia and Bukovyna social and political, moral and spiritual, purely scholarly, philological problems, which worried M. Drahomanov and were discussed in polemical manner, usual for him. A huge preoccupation with these problems, the perception of them as urgent, the efforts to help the cause with his own experience largely explain why M. Drahomanov postponed writing of the promised S. Smal'-Stoc'kyj special memoires about one of the greatest Ukrainian poets. However, the letter, containing interesting information, that concerns J. Fed'kovych, hold the image of the memoirist himself, this thoughts and ideals.

Key words: M. Drahomanov, J. Fed'kovych, S. Smal'-Stoc'kyj, letter, autograph, memoires.

Стаття надійшла до редколегії
12.11.2014 р.

УДК 821.161.1-1.09:81'373.612.2

Надежда Колошук

Антитеза света и тьмы в лагерной поэзии ГУЛАГа

В статье рассматриваются образно-предметный и проблемно-тематический аспекты поэзии ГУЛАГа (на материале наиболее полной в настоящее время антологии, изданной в 2005 г.), связанные с образно-символической антитезой «свет – тьма». В гулаговской поэзии это одна из самых устойчивых и повторяющихся концептуальных метафор. Концепты «свет» и «тьма» почти всегда приобретают метафорическое значение, а их противопоставление присутствует в текстах как архетипная мировоззренческая парадигма. Анализ избранного мотива, выявленного у многих поэтов общей судьбы, подтверждает бытование мифологического сознания на уровне массовой культуры, из чего следует, что андеграундная поэзия в советских лагерях была настолько же закономерным явлением, как и необходимым: она помогала узнавать и понимать абсурдный лагерный мир, в котором оказывались люди, давала ориентацию в нём и надежду на возвращение к гуманистической норме.

Ключевые слова: лагерная лирика; образно-предметные реалии, концептуальная метафора, антитеза «свет – тьма», мифологические архетипы.

© Колошук Н., 2014

Постановка научной проблемы и её значение. Анализ последних исследований по этой проблеме. Лагерная гулаговская поэзия – андеграунд советской культуры, до сих пор мало исследуемый и малоизвестный широкому читателю. В России и в Украине она представляет собой значительный по объёму материала феномен, не говоря уж о значении в истории литературы XX в. Однако литературоведы редко обращают на неё внимание, изучая преимущественно творческое наследие отдельных авторов. Восприятие феномена в целом пребывает на начальном этапе: собирается литературный и библиографический материал; появились стихотворные сборники и воспоминания лагерников, подборки стихов и биографические справки о них в Интернете и в антологиях. Углублённые исследования о лагерной поэзии, как и о прозе, единичны: в России, например, это работы Владимира Муравьёва, Елены Волковой, Елены Михайлик, Леонида Таганова, диссертация Дины Горевой. Исследования близких и смежных тем – «возвращённая» литература, диссидентское творчество, персоналии авторов-узников советского режима – проводились историками, правозащитниками, литературоведами Людмилой Алексеевой, Семёном Виленским, Еленой Волковой, Иваном Дзюбой, Еленой Михайлик, Людмилой Тарнашинской, Виктором Шенталинским и др.

Когда к материалу обращаются молодые исследователи, становится очевидным, насколько выводы зависят от политической конъюнктуры, особенно в нынешней России. Для примера сошлёмся на недавнюю статью аспиранта из Тамбова А. В. Дубинина: сопоставляя двух поэтов – Валентина Соколова и Семёна Милосердова, – автор пытается доказать, что у первого «идейный антагонизм» с советской властью привёл к жизненному краху, тогда как второму «верность установкам правительства» помогла сохранить «светлый взгляд на жизнь», в которой ГУЛАГ остался в прошлом и не помешал «найти своё место в советской литературе» [2, с. 351, 355].

Цель исследования – проследить образно-семантические коннотации антитезы «свет – тьма» в лагерной поэзии, исходя из материала антологии, составленной С. Виленским (2005), поскольку она даёт представление о достаточно широком круге русских авторов-лагерников. К тому же составлена человеком схожей с ними судьбы и, безусловно, чувствующим дух лагерной поэзии, понимающим её уникальность. Задачи исследования в данной статье – выявить парадигму образных значений, поэтическое своеобразие избранной антитезы, её связи с архетипными значениями концептов «свет» и «тьма», а также с важнейшими экзистенциалами мировосприятия у субъектов лагерной лирики.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Образно-символическая антитеза «свет – тьма» в гулаговской поэзии – одна из самых устойчивых и повторяющихся. Концепты «свет» и «тьма» почти всегда приобретают метафорическое значение, а их противопоставление присутствует в текстах как концептуальная метафора.

В понимании современных лингвистов (прежде всего представителей когнитивной лингвистики – Джорджа Лакоффа, Марка Джонсона, Марка Тернера, чьи исследования стали широко известны в 80-е годы прошлого века) концептуальная метафора – это стойкое, зафиксированное в языковой и культурной традиции этноса, в мышлении людей использование языковых знаков одного концепта для обозначения другого, предполагающее понимание сущности обозначаемого по аналогии с обозначающим. Антитезу «свет – тьма», видимо, можно отнести и к метафорическим архетипам, поскольку она отражает архаические, мифологические представления людей о мире [4].

Характерные аспекты символического значения избранных нами концептов в лагерной лирике практически полностью совпадают с указанными в популярном «Словаре символов» Джека Тресиддера: «Свет – метафора для духа и самой Божественности, символизирует внутреннее просветление, явление космической силы, беспредельного добра и правды. Свет – также символ бессмертия, вечности, рая, чистоты, откровения, мудрости, интеллекта, величия, радости и самой жизни. Большинство философских учений считают свет и тьму составляющими единство противоположностей; важнейшие религии Ближнего Востока (такие, как манихейство и зороастризм) утверждают, что они этически противоположные силы, суть царства добра и зла. “Свет” стал синонимом “добра” и “Бога”. <...> В иудейской и христианской традициях вечный свет – награда добродетельным верующим. Книга Бытие пытается установить четкую границу между Божьим светом и более эфемерным светом солнца, луны и звезд, созданных позже. Праздник Сретение Господне позаимствовал символику более ранних языческих ритуалов, в которых зажигали факелы или свечи, вызывая плодородие и весеннее обновление природы. В более общем значении солнечный свет символизирует духовные знания; отраженный свет луны – рациональные знания. <...> Тьма (мрак), как и черный цвет –

противоречивый символ: не только смерти, греха, невежества, зла, но и зарождающейся жизни – тьмы материнского лона или земли, из которой прорастает семя. Поэтому тьма, мрак имеет отрицательное значение лишь в сопоставлении со светом, когда возникает необходимость выбора, – лишь тогда они оказываются символом негативных сторон бытия. <...> В мистике тьма и свет считаются одинаково необходимыми компонентами мироздания. Тьма предшествует свету, как смерть предшествует возрождению» [6].

Антитеза «свет – тьма» пронизывает стихи многих лагерников, почти не различаясь в главных коннотациях, расширяясь в узнаваемом круге образных ассоциаций. Собственно, более частотными по понятным причинам являются ассоциации «тьмы», чем «света». С «тьмой» авторы ассоциируют собственную неволю, муки, боль, лагерный быт и «сумрак» лютой эпохи. Со «светом» соединены образно-предметные реалии вольной жизни, природы за тюремными стенами или лагерной колючкой, воспоминания, мечты, упования и надежды. Например, известный под псевдонимом «з/к» Валентин Соколов, чья лирика воспринималась в советских лагерях 50–70-х годов как «местный» фольклор, представлял своего обобщённого лирического героя, используя метафоры-антитезы света и тьмы, слепоты и прозрения, ночи и дня, огня и пепла, мрака и солнца и т. п.: «Жизнь моя давно сгорела, / Стала юность горстью пепла. / Молодое сгибло тело, / И душа давно ослепла. <...> И несусь в руке поднятой / Золотой огонь бунтарства, / Озаряя мрак проклятый, / Скрывший солнечное царство» («Жизнь моя давно сгорела...», 1954) [5, с. 781]¹.

Ассоциации концепта «смерть» у многих поэтов-лагерников двойственны: она соединима как с мрачными, тёмными тонами: «<...> и взором, затемнённым смертной болью <...>» (Борис Теплинский, «Тюрьма моя за городом далеко...», 1952) [5, с. 611], – так и со светом, освобождением и благодатью: «И горько учится душа <...> / И предугадывать вдали / Лазурь последнего предела. / Идти к нему, как в отчий дом <...>» (Андрей Загряжский, «Песнь о боли») [5, с. 248]; «Как странно тем прийти домой, / Кто видел Смерти свет!» (Нина Гаген-Торн, «Возвращение», 1943) [5, с. 268]; «<...> Жизни мрачные объятья, / Смерти благодать» (Василий Астапов, «Этой песне начало...», 1949) [5, с. 807].

Тюремно-лагерный быт, вопреки впечатлению некоторых исследователей о «реалистичности» поэзии из ГУЛАГа [1], редко изображён конкретно и предметно. Значительно чаще представлен парафразом, метонимией, метафорой или рядом их, как у Артёма Весёлого: «Тюрьма, тюрьма... / Крепость тиранов. / Твердыня земных владык. / Дом задушенных рыданий. / Могила для живых. / Тьма, горе, яма и петля» («Тюрьма», 1927) [5, с. 415]. Переносным значением почти всегда наделяется и концепт «тьма» / «мрак»: «Пусть наша плоть недужна / и безысходна тьма <...>» (Борис Чичибабин, «Покуда есть охота...», 1980) [5, с. 733]; «мрак невольничьих дорог» (Освальд Плебейский, «Как арестантам свет несносен...») [5, с. 886] и т. п. В реалистических зарисовках лагерного быта, даже с обязательной по смыслу привязкой к «свету», как правило, нет ни одного упоминания соответствующих «светлых» реалий, зато появляются «тёмные» эпитеты: «<...> Сбирали зэков у ворот, / Чтоб гнать к повалу чёрным лесом, / Где день проклятый настаёт. <...> В лес или понурые бригады / По чётко выбитым следам. / Всё было так, как быть и надо, / Как надлежит быть по утрам» (Владимир Филин, «Утро в лагере», 1981) [5, с. 882]. Таким образом, подтверждаются выводы известного философа Эрнста Кассирера о духовной связи между мифом и языком через метафору [3, с. 33]. Лирика, в понимании Кассирера, прямо поддерживает связь с мифом: в лирических творениях мифологический взгляд на мир возрождается во всей своей интенсивности и силе, «предметность» уже не тяготеет над ним [3, с. 42].

В изображении лагерного быта часты упоминания серого цвета, «мути» или полумрака: «серый сумрак»² и «жизнь <...> нищенкой в рассветном сером платье» у Владимира Кемецкого («Пташий

¹ Сведения о поэтах, времени и месте создания стихотворений указаны составителем этой антологии, но во многих случаях, по понятным причинам, они отсутствуют. Большинство авторов к моменту её составления уже не было в живых.

² В словаре Дж. Тресиддера находим такие сведения: «Сумрак. Таинственный полумрак и темная граница смерти. В Северной Европе мифы о сумерках богов – германский Готтердаммерунг и скандинавский Рагнарек – символизируют грустное угасание солнечного тепла и света в мощном образе конца света и прелюдию к новому циклу бытия. Связь между сумерками и западом прослеживается во многих мифах о богах, героях и мудрецах, исчезающих на западе, таких, как Кецалькоатль в Мексике и Лао-цзы в Китае» [6].

щебет слышен за решёткой...», 1927) [5, с. 87]; «<...> *Этот тусклый, рассеянный свет без теней / Много дней, много дней, много дней...*» у Ольги Адамовой-Слиозберг («Я живу, как во сне...», Казанская тюрьма, 1938) [5, с. 107]; «*тюремная сизая муть*» у Виктора Хородчинского («Расстрел») [5, с. 117]; «*Всё вокруг меня серое-серое: / серый камень и серый бушлат*» у Вадима Попова («В то, что радуга есть, не верую...») [5, с. 728]; «*Собаководы / выводят в сумраке собак*» у Платона Набокова («Подъём. Поверка. Рдеют своды...») [5, с. 929].

Серость (в прямом и переносном смысле), как и недвижность, застоялость, духота, плесень, глушь, а также холод, грязь, гниение и смрад неизменно соединены с тюрьмой и страданиями узников, образуя устойчивые ассоциативно-образные ряды с «мраком» или «сумраком». При этом они могут обозначать конкретные детали и обстоятельства тюремно-лагерной жизни или переходить в метафорический, символический ряд: «*Мрак в коридоре... духота... / И страж у камеры, как боров*» (Виктор Васильев, «Зима. Бутырская тюрьма...», 1933) [5, с. 93]; «*Мрак, вонища, тюремная плесень. / Козырёк затемняет окно. <...> Я лежу на трухлявой соломе / В трёх шагах от вонючей парашки. / Размышляю в предсмертной истоме <...>*» (Орест Номикос, «Перед смертью», Кишиневская тюрьма, 1944–1945) [5, с. 645]; «*Глухая ночь и душное молчание. / Всё спит недвижно. / Мрачно и темно*» (Павел Иренин, «Глухая ночь и душное молчанье...», Воркута, 1954) [5, с. 714]; «<...> *глушь заполярная, / Мрак и голод, мороз и пурга / Здесь терзают меня, как врага*» (Валентина Павленко-Иевлева, «Здесь на Севере я заключённая...») [5, с. 716]; «*Водопады света, блеска, сверка / тьма тысячелетий породит. <...> Сбрасывайте / с ленты транспортёра / ложь / и кривду, / темноту и ночь*» (Яан Кросс, «Обогатитель угля»; пер. с эст. Бориса Слуцкого) [5, с. 736–737].

Мрак воспринимается как «*привычный*», он навсегда соединён с запахом «*унизительной тюрьмы*» (А. Загряжский, «Песнь о боли» и «Царевна Несмеяна») [5, с. 248–249]. Мрачным реалиям противопоставлен солнечный свет, «*облачный простор над головой*» (А. Загряжский) [5, с. 249], а также свежесть, тепло, домашний уют и неистребимые мечты: «<...> *Такой золотой, ослепительный свет <...>. <...> Навеки то, что было любимо, / Солнечным светом в душе осталось*» (О. Адамова-Слиозберг, «День рождения», Соловки, 1937) [5, с. 106]; «*На узкой тюремной дорожке сияющий солнечный свет. / Давай помечтаем немножко о доме, которого нет*» (Ирина Страховская, «Подруги») [5, с. 541]; «<...> *Не в бараке за полярным кругом, / А на воле, в свете и тепле*» (В. Павленко-Иевлева, «Ухожу... Шесть лет я просидела...», 24 июля 1952) [5, с. 717].

Чёрный цвет ассоциирован с каторжным трудом, с неприветливой и чужой для узников землёй: «*Чёрной тундры край зацепив <...>*» и «*шахт чернота*» у А. Загряжского («Воркута») [5, с. 248]. Всё же многими русскими поэтами-лагерниками даже эти места нередко воспринимаются как «родина»; впрочем, речь идёт о стране (державе, государстве), а не земле: «<...> *тягостно живётся / В краю постылом, но родном <...> А властелину даже мнится, / Что, превратив страну в тюрьму, / Он стал бессмертен <...>*» (Борис Четвериков, «Есть прокажённые слова...», Озерлаг, 1949–1950) [5, с. 687–688]. Не единожды говорится о беспросветном мраке над страной, которому не видно конца: «*Не видеть свободы, не ведать удачи мне, / Покуда над Родиной мрак*» (Анатолий Александров, «Во мраке», 26 октября 1946) [5, с. 722].

Показательно, что «*моя родина, моя страна*» даже в облике «*замученной на дыбе*», «*в пытке рабства и нищеты*» (Алла Лебединская, «Он прошёл по годам суровым...») [5, с. 560], «*заблудшей*» (Ан. Александров, «Приди, спаси...», 1949) [5, с. 723], «*больной*» (Вадим Попов, «В то, что радуга есть, не верую...») [5, с. 728], «*жестоким матери*» (Ольга Берггольц, «Нет, не из книжек наших скудных...», март 1941) [5, с. 505] не вызывает у русских авторов ни отторжения, ни неприязни, и на неё направлен не «*тёмный гнев*» несправедливо наказанных сыновей и дочерей (А. Лебединская), а разве что горький упрёк. В патриотических заявлениях и признаниях лагерники, как правило, прибегают к прямым, публицистически заострённым клише или к литературным реминисценциям русской классики: «<...> *к своей земле, к своей судьбе / терпенье долгое храните!*» (Юрий Грунин, «Гордое терпенье», 1952) [5, с. 720]; «*Не Кольму надо, милые, клясть, / А коммунистов, советскую власть*» (А. Александров, «Новую песню зэкашки поют...», декабрь 1946) [5, с. 722]. Иначе (отстранённо или в гротескно-контрастном облике) видят свою страну единичные авторы русской антологии. Видимо, в силу особых обстоятельств (этнического происхождения, иной культурной традиции и проч.) они воспринимают её не как родину, а как землю страданий и смерти: «<...> *На гиблых окраинах кровью залитой, / Беспамятной, злой и голодной страны*» (Виктор Рубанович, «Реквием», 1940–1992) [5, с. 440].

Значительно больше материала для анализа «Иного» сквозь призму патриотической темы дают украинские антологии лагерной лирики, где ГУЛАГ однозначно не совместим с образом родины, отчизны. Однако патриотическая тема в русской каторжной поэзии в сопоставлении с лирикой других каторжан, увидевших в ГУЛАГе чужую страну, – особая и сложная задача для анализа; к тому же, выходит за рамки данного исследования. Итак, вернёмся к антитезе «свет – тьма».

Развёрнутые описания и эпизоды в лагерной лирике единичны. В них очевидна психологическая закономерность узнического существования: пережившие его сохраняют в памяти череду безликих, тягучих, однообразно и кругообразно повторяющихся мрачных дней и ночей без солнца и дневного света. У Михаила Романенко-Кушковского: «Тюрьма – Вятлаг, / Вятлаг – тюрьма... / Не жизнь, а так... / Нет света – тьма» (миниатюра) [5, с. 525]. У Лазаря Шерешевского: «Эти дни одинаковы, словно пайки, / Как просветы меж прутьев решётки... / Вспоминая иные, бывлые деньки, / Мы их перебираем, как чётки» («Без особой вины, по велению войны...», Бутырская тюрьма, 1944) [5, с. 657]. У Романа Сефа: «Память сохранила вышки, / Луч прожектора, / собак холёных. <...> Лежу в ночи. / Было – не было? / Ползёт по стенке / Лунный блик. / Одумайся. Молчи. / Можно плакать, / подобрал коленки» («Память сохранила вышки...», 1956) [5, с. 931–932]. Этот автор, арестованный в 1951 г. девятнадцати лет от роду, ассоциирует солнце только с освобождением – в стихотворении, созданном после отбывания срока: «<...> И увидим мы солнце, выходя из ворот» («Слава мамам и папам...», 1958) [5, с. 933].

Примечателен экзистенциальный сдвиг в сознании узников: они нередко приходят к выводу о неизбежности и благотворности мучительных уроков, связанных с «мраком» ГУЛАГа. Многие подводят парадоксальные жизненные итоги: «Я видеть учился у Света, / А мыслить – в объятиях Тьмы» (Мих. Романенко-Кушковский, «С безмолвной жаждою ответа...») [5, с. 526]. Некоторые умоляют Творца вразумить их и наградить смирением, принимая испытания «тьмой»: «О Боже! Помогни принять не так / Свою судьбу. Не как змея из-под копыта! / Ведь это Книга Царств торжественно раскрыта, / А к солнцу нет пути, как через мрак!..» (Анастасия Цветаева, «Сюита оконная») [5, с. 188]. К истинной вере и Богу (всегда и неизменно ассоциированным со «светом» в метафорическом, переносном смысле) приходят именно через испытания: «<...> За злыми ходивший слепо / По нечестивым путям, / Я и со дна вертепа / Вижу твой светлый храм» (Давид Выгодский, «Знавший земные соблазны...», август 1921) [5, с. 535].

«Ночь» связана с «тьмой» и – злодеяниями палачей: «Помню стук голодных револьверов / И полночный торопливый суд» (Сергей Марков, «Адмирал Колчак») [5, с. 167]; «Расстреливают по ночам. / Сливается убийство с ночью» (Семён Виленский, «Расстреливают по ночам...», [1948]) [5, с. 802]. Но – и с отдыхом, снами, мечтами, дорогими воспоминаниями. Как у О. Адамовой-Слиозберг: «И снова ночь. И снова предо мною / Воспоминания проходят чередою» («Из тьмы», Лубянская тюрьма, 5 мая 1936) [5, с. 105]. Или у Олега Полишко: «Надо в путь! Я под укрытьем ночи / в лес уйду, чтоб больше не страдать» («Скоро в путь! Достаточно страданий...», Усольлаг, 1955) [5, с. 925]. Тогда как «день» становится орудием пытки через каторжный непосильный труд; день безжалостен и нестерпим: «<...> Там самый день был средством пыток, / Что применяются в аду» (Варлам Шаламов, «Поэту») [5, с. 119]; «Далеко в прозрачном небе / Равнодушный солнца круг. <...> Горы смотрят и молчат» (Нина Гаген-Торн, «Что же? Значит, истощенье?...», Эльген, 1940) [5, с. 267–268].

Ночь ассоциирована с контрастом безысходности и надежды, игрой судьбы: «Темнела ночь, сильнее сияла / Во мраке первая звезда!» (Юрий Чирков, «Был тихий вечер, солнце село...», Ухтижемлаг, февраль 1940) [5, с. 101]; «<...> в глухой ночи есть звёздный свет, / в песках пустыни жизни силы... / ... От колыбели до могилы / узорен путь мой: я – поэт» (Василий Фёдоров, «Узорный путь») [5, с. 568]. Поэтому «ночь» и «тьма» иногда представлены в оксюморонном обличье: «Кто в ослепительную тьму / Не упадёт с высоких башен?» (Давид Выготский, «Победитель», декабрь 1919) [5, с. 534]; «Есть боли грань, / За ней не плоть, а воля <...>. <...> И тьма как ослепительный рассвет» (С. Виленский, «Есть боли грань...», Сухановская тюрьма, 1948) [5, с. 800]. Ночью к узнику приходят важнейшие жизненные прозрения, вылитые в афористической форме: «Но мне теперь рассвет стал ненавистен <...>. Привыкли думать: свет со злом воитель, / Здесь день – тюремщик, ночь – освободитель» (Лев Раков, «Как всё живое любит свет!..») [5, с. 533].

И буквальное, и метафорическое значение слов «ночь», «тьма» / «тьма», «мрак», «сумрак», «сизая муть» / «серый сумрак» и других, входящих в ассоциативную связь с «тёмной» стороной

действительности, закономерно становятся в ряд с «тюрьмой», «неволей», «могилой» и т. п., образуя антитезы со «светом», то есть «свободой» или памятью о до-тюремной, до-лагерной жизни: «<...> Будет ночь – как обморок и смерть. / Много тюрем, лагерей и каторг – / Более тяжёлых, чем теперь» (Николай Лучник, «Небылица», 1943–1947) [5, с. 620]; «Редки, редки светлые мгновенья: / То о прошлом грёзы иль мечты <...>» (Юрий Стрижевский, «К нам сюда, в глухое заточенье...», Прииск Днепровский, 1951) [5, с. 692]. Проявляется эскапистский конфликт как противопоставление внутренней «крепости» человека и внешнего мира, враждебного ему: «Внутри: свобода, правда, люди. / Снаружи: рабство, звери, тьма» (Юрий Галь, «Нас двадцать смертников в клетушке...», 1944) [5, с. 681].

«Мрак» и «свет» иногда не различимы в душе бывалого каторжника, «кто <...> свет готов перепутать с тьмою» (Анатолий Клещенко, «Канал имени Сталина») [5, с. 595]. Это утверждала и талантливейшая в русской лагерной лирике поэтесса Анна Баркова, воспевшая «тёмную татарскую душу» («Госка татарская», 1954), равно «тоскующую во тьме» («Милый враг», 1921) и на воле: «Мы всё видели, так мы выжили, / Биты, стреляны, закалены, / Нашей родины, злой и униженной, / Злые дочери и сыны» («Герои нашего времени», 1952) [5, с. 228–230]. «Мрак» и «свет» могут быть связаны с нравственной слепотой и конформистской гражданской позицией: «<...> Досталось, в наследье к беспутству, / Свидетелю нашего века / Быть слепу, быть глуху, быть пусу» (Георгий Оболдуев, «Свидетелю», 1948) [5, с. 195]. Напрямую связаны душевная надломленность и безнадежность «тьмы»: «Там, где мало солнца, / Человек угрюм, / Души без оконца, / Тёмные, как трюм» (Лев Драновский, «За Полярным кругом...») [5, с. 125].

Следы пребывания в земном рукотворном аду не смыаемы с души тех, кто в нём побывал; места заключения ассоциированы с метафорическими «бездной», «пропастью», «мглою», мраком «дна»: «Ни солнце не выжжет, ни смочет слеза / Навек отражённого Ада. / Я видел, как души тощали в беде, / Как быстро и просто сползало / В пылающем пекле, на чёрном суде / И чести и совести сало. / <...> Я видел, что видеть живым не дано, / И, сердце живое калеча, / Ударился грудью о самое дно / Кремнистой души человечьей. <...> Я заново вижу сияющий мир, / Но заново миру не верю» (Андрей Рыбаков, «Лазарь», 1946) [5, с. 571]. В названии этого стихотворения, как видим, прочитывается евангельская реминисценция, хотя, проникнутое духом мрачной безысходности, оно не вполне соответствует символическому образу чудом воскрешённого мертвеца.

Показательно, что в антологии нет стихотворений, где бы «свет» однозначно преодолевал «тьму», а в конце «неволи» наступало «светлое воскресенье» – оно ассоциируется разве что с переходом «в полусвет из полутьмы, / В наше неуютное сегодня» (Александр Солженицын, «Отсюда не возвращаются», 1950) [5, с. 675]. Зато немало мрачных предвидений и горьких увещаний, стоического приятия страданий и смерти как неизбежности: «Слишком долго / пришлось мне томиться / в нестерпимо-слепой полумгле... / ...Я – последняя белая птица / на сожжённой закатом земле» (Василий Фёдоров, «Белая птица», 1921) [5, с. 568]; «Темно вокруг тебя, и страшно бытие. / Благодарю судьбу, а не пытай её. / Неверен солнца свет: всё – бред, всё – плен: пойми! / И даже чёрный день как дивный дар прими» (Александр Чижевский, миниатюра 1943 г.) [5, с. 618]; «Последний раз ещё взгляни / В пустую пропасть неба чёрного <...>. <...> Мы будем ждать судьбу свою, / Чтоб умереть вот так же точно / У чёрной ямы на краю» (Владимир Филин, «Расстрел в Тайшете», 1956) [5, с. 881]; «Нет ни Бога, ни проблеска света / В небесах опустевших моих. <...> Все зигзаги кромешного ада / Я пройду, кандалами звеня <...>» (Григорий Антонов, «Под неистовым гнётом режима...», 1952) [5, с. 935–936]. Упоминание ада в связи с оппозицией «света – тьмы» – вполне предугадываемая смысловая коннотация, связанная с древнейшими общечеловеческими архетипами. Даже советские атеисты мыслили в поле таких ассоциаций, не говоря уж о людях верующих: «Вот он – подземный карцер! / Камень, Мороз. Ни зги! / Вряд ли сам ад окаяней – / Пить, так уж, видно, до дна...» (Евгения Гинзбург, «Не режиссёрские бредни...») [5, с. 306].

Чаще всего лагерь или тюрьма (в более широком значении – новая действительность после ареста) приравняются к аду через обычную метафору, без мистических или прочих нюансов: «<...> Из холодных обсерваторий / Я спускаюсь в людское пекло» (Юрий Гастев, «По далёким и светлым созвездиям...») [5, с. 725]; «И мы проходим круг за кругом, / Спускаясь шаг за шагом в ад / То с возмущеньем, то с испугом, / И нет нигде путей назад» (Татьяна Гревс, «Жизнь – всюду жизнь. В ней дня сверканье...», Казахстан, Спасск, 1950–1956) [5, с. 888]; «А нам с тобой идти кругами ада <...>» (Виталий Гармаш, «Памяти Артёма Фельдмана») [5, с. 943]. Но иногда вступает в свои права

ирония, выворачивая наизнанку привычные фразеологизмы и оживляя давние интертекстуальные связи новыми бытовыми аллюзиями: «Данные Данте об Аде не соответствуют истине. / Ад обладает весьма целесообразной структурой. / Он одноэтажный, о кругах нет и речи. <...> Ад отапливается тёплым дыханием его обитателей» (Вальмар Адамс, «Inferno», пер. с эст. С. Семеновко) [5, с. 914].

Из самой беспросветной тьмы, «сквозь мрак отчаянья» (О. Адамова-Слиозберг, «Сыну», Колыма, 10 февраля 1942 [5, с. 109]), надежда указывает человеку дорогу к свету, обманывая и снова вдохновляя. Узники советского ГУЛАГа не единожды противопоставляли её безверию, взывали к ней и умоляли: «<...> Хоть бы луч рассвета / В эту мглу и жуть!» (Л. Драновский, «За Полярным кругом») [5, с. 124]. В самых безнадежных обстоятельствах надежда не отпускает узника в темный мрак, а вера вдохновляет стремиться к свету и тем самым побуждает к жизни: «Чтоб в дебрях тюремных лет, / Сквозь весь одиночный ужас, / Мы не позабыли свет / Созвездий, соцветий, содружеств...» (Евгения Гигзбург, «...Чтоб горечь, осев у глаз...») [5, с. 308]. Даже трезвые скептики понимали правомочность отчаянных призывов и «безбожных» молитв: «Даже в пекле надежда заводится <...>. <...> Исчезает в них скорбью великая / Умудрённая сволочь земли. / И, глядя, как кричит, как колотится / Оголтевшее это зверьё, / Я кричу: – Ты права, Богородица! / Да святится имя твоё!» (Юрий Домбровский, «Амнистия (Апокриф)», Колыма, зима 1940 г.) [5, с. 182–183].

Нередки отождествления «света» с «любовью», предстающей в ореоле святого мученичества, верности и милосердия: «<...> Ты вся любовь, любовь и свет, / И только тайной боли тени / Кладут у глаз прощальный след! / Ты так светла!» (Андрей Загряжский, «Тюремное свидание») [5, с. 246]. Валентин Португалов в «Колымской балладе» аллегорически показал варианты узнического пути через метафоры «света», поочередно воплощённого в любви, славе, семейном счастье: «Несчастен тот, кто в двадцать лет / Попал на Колыму. / Большой Любви ярчайший свет / Слепил глаза ему. <...> Несчастен тот, кто в тридцать лет / Попал на Колыму. / Бессмертной Славы резкий свет / Бил прямо в глаза ему. <...> Несчастен тот, кто в сорок лет / Попал на Колыму. Семейного Счастья ровный свет / Сквозь ставни мерцал ему» [5, с. 342–343].

Молитвы узников, оказавшихся среди тысяч себе подобных, доносят их гражданскую позицию, заботу о близких и родной стране: «Неужели милостью Творца / Не увидим этому конца?» (Анатолий Александров, «Сколько обездоленных, обиженных...», Асино, лагерь, 1946) [5, с. 722]; «О, Господи, услышь мой плач! / Я верю – Ты всеильный Врач, / Приди, спаси святой любовью / Русь, истекающую кровью» (А. Александров, «Приди, спаси...», Галимый, лагерь, 1949) [5, с. 723].

Стёртые в советской риторике метафоры «светлый путь» / «светлое будущее» воспроизводятся всегда иронически: «Сумел сохранить веру / В светлое будущее / И на краю расстрельной площадки» (Виктор Сербский, «Вера» – о погибшем в годы репрессий отце-коммунисте) [5, с. 341]; «На стене афиша. Кино. “Светлый путь”. / Светлый такой, как галактика. / Чтобы без боли на него взглянуть, / Нужна многолетняя практика» (Борис Левятов-Селиверстов, «Огни») [5, с. 777]. «Сиянье» кремлёвских звёзд, «окровавивших» «глухую, беззвёздную полночь» и «красный рай за колючей проволокой», награждается оксюморонным эпитетом: «чёрный свет» (Ю. Гастев, «По далёким и светлым созвездиям...») [5, с. 725–726].

Как бы ни были узнаваемы образно-стилистические коннотации архетипов лагерной поэзии, чья типологическая общность порождена условиями её создания и бытования, «тюрьма, как и война, у каждого своя» (Даниил Аль, очерк «“Своя” тюрьма») [5, с. 827]. И каждый узник вносит своё неповторимое видение одних и тех же условий, в которых находится, но особых чувств и мыслей, а значит – и свою образную оптику отражения действительности и её переживания. Особо нужно выделить тех, кто в условия лагеря попал, будучи верующим человеком, или проникся горячей верой уже в новых условиях.

Одна из таких – Наталия Ануфриева, прошедшая в своей жизни сложный путь религиозных исканий. Главный её «жанр» – одинокая молитва, обращение к Творцу: «Воля Твоя да будет, / Просияй мне звездой во тьме...» («Воля Твоя да будет...», 1937) [5, с. 319]. Лирическая героиня стихов Н. Ануфриевой верует истово, воспринимая всё происходящее как ниспосланное свыше, а собственные страдания даже сладострастно: «Путь страшный люблю горячо я / И с этой любовью умру... / Гори ж, моё сердце, свечою / На зимнем холодном ветру! <...> И жду я, чтоб ветры задули / Последнюю искру огня, / А сердцу смертельную пулю / Так просто, так сладко принять» («Всё снежно, всё чисто и бело...», Ярославль, 1938) [5, с. 319].

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Среди лагерников оказалось много оригинальных талантов, и анализ образных коннотаций «тьмы – света», как и других важнейших мотивов, можно продолжить на материале поэзии каждого из них – они этого заслуживают. Однако анализ избранного архетипного мотива, выявленного у многих поэтов общей судьбы, принадлежащих одному времени, во-первых, подтверждает бытование мифологического сознания на уровне массовой культуры, в виде бинарного деления мира на свет и тьму как важнейшей мировоззренческой парадигмы. Во-вторых, из этого следует, что андеграундная поэзия в советских лагерях была настолько же закономерным явлением, как и необходимым: она помогала узнавать и понимать абсурдный мир, в котором оказывались люди, давала устойчивые ориентации в нём и надежду на возвращение к гуманистической норме. Без надежды, как и без света, человек в мире тьмы выжить не может.

Источники и литература

1. Горева Д. В. Поэзия ГУЛАГа: проблематика и поэтика : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 – Рус. л-ра [Электронный ресурс] / Горева Дина Владимировна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2011. – 163 с. – Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/poeziya-gulaga?_openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZTthZDE7
2. Дубинин А. В. Лагерная литература XX века: к вопросу о полярности художественных исканий / А. В. Дубинин // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности : материалы Междунар. конгресса литературоведов (1–4 окт. 2014 г.). В 2-х кн. Кн. 2-я. – Вып. 2 : К 130-летию со дня рождения Е. И. Замятина / сост. Н. Н. Комлик. – Елец : Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2014. – С. 348–358.
3. Кассирер Э. Сила метафоры / Эрнст Кассирер ; пер. с нем. Т. В. Топоровой // Теория метафоры : сб. : [пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз.] / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – С. 33–43.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Поэзия узников ГУЛАГа : антология / под общ. ред. А. Н. Яковлева ; сост. С. С. Виленский. – М. : МФД : Материк, 2005. – 992 с. – (Россия. XX век. Документы).
6. Тресиддер Дж. Словарь символов [Электронный ресурс] / Джек Тресиддер ; пер. с англ. С. Палько. – М. : Гранд ; Фаир-Пресс, 2001. – 444 с. – Режим доступа : http://royallib.com/book/tresidder_dgek/slovar_simvolov.html

Колошук Надія. Антитеза світла і п'тьми в табірній поезії ГУЛАГу. У статті йдеться про образно-предметний і проблемно-тематичний аспекти поезії ГУЛАГу (на матеріалі найповнішої донині російської антології, виданої 2005 р.), пов'язані з образно-символічною антитезою «світло – п'тьма». У гулагівській поезії це одна з найбільш стійких і повторюваних концептуальних метафор. Концепти «світло» і «п'тьма» майже завжди набувають метафоричного значення, а їхнє протиставлення відбувається в текстах як архетипна світоглядна парадигма. Аналіз вибраного мотиву, виявленого в багатьох поетів схожій долі, підтверджує побутування мифологічної свідомості на рівні масової культури, із чого випливає, що андеграундна лірика в радянських таборах була настільки ж закономірним явищем, як і потрібним: вона допомагала пізнавати й розуміти абсурдний табірний світ, у якому опинялися люди, давала орієнтацію в ньому та надію на повернення до гуманістичної норми.

Ключові слова: табірна лірика, образно-предметні реалії, концептуальна метафора, антитеза «світло – п'тьма», антологія, мифологічні архетипи.

Koloshuk Nadiya. The Antithesis of 'Light and Darkness' in GULAG Poetry. The article deals with the character-subject and problem-thematic aspects of GULAG poetry (based on the material of the most complete anthology of the Russian camp lyric poetry published in 2005). This aspect concerns vivid-symbolic antithesis 'light and darkness'. It is one of the steadiest and most repetitive conceptual metaphors in GULAG poetry. The concepts 'light' and 'darkness' almost always acquire metaphorical value and their contraposition is always an archetype world view paradigm in the texts. The research of the chosen motif, revealed in the works of many poets of the same fate, confirms the existence of mythological consciousness at the level of mass culture. It follows from this that in the Soviet camp the underground poetry was as the regular phenomenon as the necessary one. It helped people to know and understand the absurd world in which they appeared. It directed people in the world and gave a hope of appealing to humanistic values.

Key words: camp lyric poetry; character-subject actual, conceptual metaphor, vivid-symbolic antithesis 'light and darkness', anthology, mythological archetypes.

Статья поступила в редколлегию
07.11.2014 г.